

ПРОБЛЕМА ПОЗНАНИЯ ЦЕННОСТЕЙ И КОНЦЕПЦИЯ НАУКИ В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

В статье рассматривается концепция науки Э. Гуссерля, призванная у него решить проблему построения системы всеобъемлющего знания, направленного на раскрытие смыслов бытия. Гуссерль выступил как философ, стремящийся дать критику антифундаменталистской точки зрения на науку и вместе с тем развивающий неклассическую трактовку классического идеала научности. В феноменологии Гуссерля органично сочетаются в характеристике знания истина и ценность, что позволяет ему преодолеть крайности антифундаментализма и классической фундаменталистской концепции науки.

Ключевые слова: феноменология, интенциональность, феноменологическая редукция, феномен, жизненный мир, эйдети́ческие науки, фактуальные науки, истина, ценность.

1. Задачи и сущность феноменологии

Согласно Э. Гуссерлю, образцом научного познания должна стать феноменология, а наука благодаря влиянию на нее феноменологии и ее методов познания сможет принять свой подлинный вид. То есть требуется феноменологическое обоснование науки, что диктуется кризисным состоянием традиционной науки. Основоположник феноменологии считает, что все науки нуждаются в «критике», которую они не способны произвести самостоятельно. Наукой, предназначенной для такой критики, является феноменология, и об этом Гуссерль пишет следующим образом: «...отличительная особенность феноменологии заключается в том, что в объеме ее эйдети́ческой всеобщности она охватывает все способы познания и все науки...» [5, с. 190].

Философская методология Гуссерля – это результат творческого синтеза картезианства и трансцендентального идеализма Канта, причем предпочтение Гуссерль отдавал Декарту. Немецкий философ писал: «Ни один философ прошлого не оказал столь решающего воздействия на смысл феноменологии, как величайший мыслитель Франции Рене Декарт. Его она должна почитать как своего подлинного праотца» [7, с. 343]. Однако Гуссерль считал, что Декарту и Канту не удалось осознать подлинную роль трансцендентальной субъективности, и поэтому Гуссерль рассматривает именно себя как родоначальника науки о трансцендентальной субъективности, трансцендентальной феноменологии, «универсальной науки».

В первом томе «Логических исследований» (1900) немецкий философ ставит перед собой задачу преодоления субъективизма. «Опасность

для науки Гуссерль с самого начала видел в релятивизме и скептицизме, источником которых, по Гуссерлю, является прежде всего субъективизм и психологизм» [4, с. 456]. Истоки субъективизма Гуссерль видит в античной философии – софистике и скептицизме, а выражением субъективизма он считает высказывание Протагора «Человек есть мера всех вещей». Однако Гуссерль не приемлет такую трактовку истины, когда она выводится из мнения одного человека. Он толкует высказывание Протагора следующим образом: «...мера всякой истины есть индивидуальный человек. Истинно для всякого то, что *ему* кажется истинным, для одного – одно, для другого – противоположное, если оно ему представляется именно таковым» [8, с. 134].

Философия, согласно Гуссерлю, направлена на знание, и его прежде всего интересует истина. Под истиной основоположник феноменологии понимает очевидное знание (так же считал и Декарт), при этом истина встречается редко – это в основном логические законы и математические истины. Что же касается законов естественных наук, то это не истины, а знания высокой степени вероятности, как считает Гуссерль. Об истине Гуссерль пишет следующим образом: «Что истинно, то абсолютно, истинно «само по себе», истина тождественно едина, воспринимают ли ее в суждениях люди или чудовища, ангелы или боги. Об этой истине говорят логические законы, и мы все, поскольку мы не ослеплены релятивизмом, говорим об истине в смысле идеального единства в противовес реальному многообразию рас, индивидов и переживаний» [8, с. 137].

Разработка проблемы истины у Гуссерля связана с обоснованием феноменологического

метода познания и развитием феноменологической философии. Главное для Гуссерля – осмыслить, что такое мышление и познание и в каких видах, формах и структурах оно совершается, то есть его интересует структура сознания, которую можно раскрыть, пользуясь феноменологическим методом.

Прежде всего немецкий философ разрабатывает проблему интенциональности сознания. Понятие «интенциональность» воспринято Гуссерлем от Ф. Brentano, лекции которого Гуссерль слушал в Вене в 1884–1886 гг. «Всякий психический феномен, – писал Brentano, – характеризуется тем, что средневековые схоласты называли интенциональным (или же ментальным) внутренним существованием предмета и что мы обозначили бы, – хотя и не вполне свободным от двусмысленности выражением, – отношением (*Beziehung*) к содержанию, направленностью (*Richtung*) на объект (прием под предметом в данном случае не следует понимать что-то реальное) или имманентной предметностью (*immanente Gegenstandlichkeit*). Всякий психический феномен содержит в себе нечто в качестве своего объекта, хотя и не одинаковым образом. В представлении (*Vorstellung*) нечто представляется, в суждении нечто утверждается или отрицается, в желании – желается и т. д. Это интенциональное существование свойственно исключительно психическим феноменам. Ни один физический феномен не демонстрирует чего-либо подобного. Поэтому мы можем определить психические феномены, сказав, что это такие феномены, которые интенционально (*intentional*) содержат в себе предметы» [3, с. 33]. То есть сознание, согласно Brentano и Гуссерлю, всегда направлено на предмет, всегда является сознанием об определенном предмете, и в этом заключается важнейшая характеристика сознания. Причем многое в сознании зависит от самого сознания, а не от предмета. Под интенциональностью Гуссерль понимает «свойство переживания *«быть сознанием чего-либо»*. Первым делом это чудесное свойство, к какому нас возвращают любые загадки теории разума и метафизики, выступило перед нами в эксплицитном *cogito*: восприятие есть восприятие чего-то, скажем, вещи; суждение есть суждение о каком-либо положении дел; оценивание – оценивание какой-либо ценностной ситуации; желание – желательного обстоятельства и т. д. Действование направ-

лено на такое-то действие, поведение – на поступок, любовь – на то, что любимо, радование – на радостное и т. д.» [5, с. 262–263].

Для Гуссерля важно утвердить идею неразрывности субъекта и объекта познания, то есть у него предмет всегда коррелирует с сознанием. Весь свой исследовательский интерес Гуссерль направляет не на изучение предметов и даже не на взаимодействие сознания с объектом, а на исследование различных типов переживаний предметов, имеющих место в сознании. «Согласно Гуссерлю, – пишет В.И. Молчанов, – феноменология не должна принимать в качестве исходного пункта какие-либо теоретические схемы. Не теории, но императивы являются ее исходными моментами. Императивы Гуссерля: «Учиться видеть!», «Назад, к самим предметам!» – ориентируют на усилия по достижению так называемого эйдетического созерцания, т. е. *созерцания* переживаемого смыслового образа предмета, или, иначе говоря, смыслового горизонта переживания. Это и есть, согласно Гуссерлю, рефлексия, которую он, в частности, определяет как перемену взгляда от предмета на переживание» [12, с. 77].

Идею феноменологии как основы научного познания Гуссерль проводит не в «Логических исследованиях», а в более поздних работах. Для того чтобы достичь подлинного познания, необходимо сделать философию, согласно Гуссерлю, беспредпосылочной наукой. Повседневный и научный опыт не годится для реализации «первоначальной интуиции», поэтому необходимо перейти от естественной установки к философской. Достижение очевидности – главная проблема, стоящая перед Гуссерлем, и возможно такое достижение только посредством трансцендентальной субъективности, которая представляет собой «универсум возможных смыслов», первооснову смыслообразований и ценностей бытия [1, с. 54]. Согласно такой установке Гуссерля, философия, если она хочет быть строгой и точной наукой, должна в своих построениях исходить не из объективного мира, а из трансцендентальной субъективности, являющейся источником всех знаний. То есть Гуссерль обосновывает процесс познания субъективистски. Он пишет: «...мы, следуя за Декартом, делаем великий поворот, который, будучи правильно осуществлен, ведет к трансцендентальной субъективности: поворот к *ego cogito*, как к аподиктически достоверной и последней почве рас-

суждений, на которой должна быть основана всякая радикальная философия» [8, с. 344-345].

Философская установка сознания формируется, согласно Гуссерлю, только благодаря феноменологической редукции, задача которой – очищение трансцендентальной субъективности и переход к первоначальному знанию, к априорным структурам сознания, лежащим в основе знания. Основоположник феноменологии изменил привычную познавательную установку, которой руководствуется любой человек в познании окружающего мира. Наше познание обращено к миру, при этом в нашем сознании есть масса привычных обыденных сведений о мире, а также данных, накопленных наукой. Подобно картезианскому сомнению, Гуссерль осуществляет феноменологическую редукцию, чтобы очистить наше сознание от разнообразных наслоений и сделать его предметом феноменологического анализа. Это необходимо, так как мир нам всегда дан в сознании, является нашим «миросозерцанием» и поэтому именно сознание – главный объект исследования, а не сам мир. Немецкий философ настаивает на том, что познавательный процесс должен начинаться с феноменологической редукции (то есть с концентрации нашего внимания не на объективном мире, а на трансцендентальной субъективности, на очищенном сознании), которая проходит два этапа: 1) эйдетическая редукция и 2) трансцендентальная редукция. Каждому этапу соответствует своя специфическая феноменология.

Познающий субъект должен устранить свой привычный взгляд на мир и направить внимание на сознание, точнее, на его структуру, устранив из сознания все эмпирическое содержание. На первом этапе, называемом «эйдетическая редукция» (и которой соответствует эйдетическая феноменология), необходимо, согласно Гуссерлю, устранить, то есть «заключить в скобки», весь реальный мир, все знание о мире, накопленное наукой. Феноменолог должен «воздерживаться» от привычных суждений о мире, выдержанных в научном духе, и тем самым он не будет повторять привычные сведения, штампы, а направит свое внимание под новым углом зрения на сознание и через него – на внешний мир. Воздержание от суждений Гуссерль называет термином, широко использовавшимся древнегреческими скептиками, «*Epoché*» (эпохе). Таким образом, феноменолог делает предметом

своего познания чистое сознание без тех примесей, которые составляют содержание сознания, то есть без тех знаний, которые накоплены наукой. Эйдетическая редукция позволяет созерцать сущности методом «идеации», то есть методом прямого их усмотрения.

Второй этап феноменологической редукции, который называется «трансцендентально-феноменологическая» редукция, заключается в устранении всех научных представлений о сознании и духовных процессах. В этом случае феноменолог воздерживается от употребления методов психологии и наук о культуре и обществе. В феноменологии редукция составляет основное ее содержание. «Почти все работы Гуссерля посвящены анализу феноменологического метода: важности редукции, раскрытию ее преимуществ перед другими методами мышления, перспектив, которые она открывает перед философией, наукой и человечеством» [1, с. 59].

Теперь, после осуществления феноменологической редукции, начинается феноменологический анализ сознания, и Гуссерль переходит к учению о феноменах, об интенциональности сознания, об интуиции. Сознание после феноменологической редукции является «чистым», то есть оно не содержит никакого эмпирического материала, и феноменолог-исследователь может изучать структуру сознания беспрепятственно. Это необходимо потому, что знание предметов внешнего мира зависит от этих структур. То есть Гуссерль придерживается точки зрения априоризма, сходного с кантовским. Сущность первична («априорна») по отношению к эмпирическому (фактическому) содержанию сознания, и это Гуссерль понимает так, что субъект познания руководствуется в своей познавательной деятельности сущностными структурами сознания как принципами, упорядочивающими все знания. Задача феноменологии заключается в обнаружении этих сущностей сознания, что поможет открыть новые горизонты освоения человеком мира. То есть Гуссерля интересует трансцендентальный субъект познания и сознание как совокупность чистых сущностей. Сущности или структуры сознания общи всем людям, и восприятие мира идет при помощи структур сознания, упорядочивание наших знаний тоже осуществляется благодаря этим сущностям. «Сам эйдос, – пишет Гуссерль, – есть усматриваемое, соответственно доступное усмот-

рению всеобщее, чистое, *необусловленное*, а именно: такая сущность не обусловлена никаким фактом, а соразмерна только со своим собственным интуитивным смыслом. Она предшествует *всем* понятиям в смысле значений слов, более того, при образовании чистых понятий необходимо ориентироваться на нее». То есть все наше знание о мире зависит от структуры сознания. В этих выводах Гуссерля содержатся определенные субъективно-идеалистические моменты, и его стали критиковать за субъективизм.

Гуссерль ведет речь не об отдельных сущностях сознания, а о потоке сознания (*Strom*), и вопрос для феноменолога заключается в том, чтобы войти в поток и созерцать феномены сознания, чистые сущности. Феномен (чистая сущность сознания), согласно Гуссерлю, имеет определенную структуру. Созерцать феномены можно только в том случае, если не прерывать поток сознания, а *переживать* его.

Если Декарт говорил об интеллектуальной интуиции, а Кант – об интуиции чувственной, благодаря которой мы воспринимаем пространство и время, то Гуссерль принимает обе интуиции – и интеллектуальную, и чувственную. Ее особенностью является то, что она не просто постигает предмет, а созидает его. Гуссерль сформулировал ключевой принцип, согласно которому «все, что обнаруживает себя посредством интуиции, должно приниматься так, как оно себя обнаруживает, и в тех пределах, в которых оно себя обнаруживает» [17, с. 232].

2. Познание ценностей

Установку на познание ценностей Гуссерль воспринял, как и проблематику интенциональности, от Ф. Brentano, который предложил свою концепцию оценивающих переживаний. На ее основе сложилась феноменологическая философия ценностей. Brentano делит все психические феномены на три класса: 1) представления, 2) суждения, 3) душевные переживания. Душевные переживания отличаются от суждений, хотя объектами и суждений и переживаний являются вещи или персоны, а не ценности. Суждения имеют когнитивный характер, так как в них идет речь о наличии или отсутствии у предметов каких-либо свойств, а душевные переживания являются оценивающими актами. Душевные переживания, согласно Brentano, выражаются в симпатиях или антипатиях к

чему-либо, одобрении или неодобрении чего-то. Положительная оценка, по Brentano, – это акт, содержащий «установку» (установку «за»), отрицательная оценка – это акт, содержащий негативную установку (установку «против»). Душевные переживания объективны, так как они соотносятся с предметами, вызвавшими их. Тем самым душевные переживания являются основой для ценностных суждений.

Ценности, согласно Brentano, не являются особой реальностью, особым существованием. Поэтому он полагает, что понятия, обозначающие ценности, не являются подлинными именами. Например, «благо», «польза», «хорошо», «плохо» – это не объекты и не имена, а «созначащие выражения», то есть они имеют отношение к какому-либо объекту или состоянию человека и благодаря этому получают смысл. «Философская вселенная Brentano была фундаментально простой, и он стремился к тому, чтобы она таковой и оставалась. Она состояла из психических и физических феноменов плюс из Божественного Бытия, к признанию которого его склоняла философская теология. Таким образом, Brentano питал стойкое отвращение к любым попыткам «умножения сущностей», столь распространенным в средневековой схоластике, а также в современной спекулятивной философии. Поэтому он энергично возражал против придания самостоятельного бытийного статуса таким не-психологическим феноменам или «нереальным сущностям» («*irrealia*»), как содержание мышления, положения дел, отношения, универсалии, идеалы, ценности и нормы. Он ограничивался исключительно признанием существования, относящегося к области «*res*», т. е. реальных вещей и реальных мыслящих существ» [19, с. 61].

М. Вебер в статье «Наука как призвание и профессия» тоже считает, что не в компетенции науки решать проблемы ценностей. Гуссерль в годы, предшествовавшие Первой мировой войне, придерживался позиции, сходной с позицией Вебера. «Но ситуация кардинально поменялась для Гуссерля после Первой мировой войны... В ходе самой войны Гуссерль, потерявший на ней замечательного сына, намеренно воздерживался от того, чтобы писать или говорить о военных действиях. Но затем он нашел невозможным для себя оставаться в стороне от насущных вопросов дня. Неспособность и неже-

ление науки поворачиваться к проблеме ценности и смысла в силу ее ограниченности только позитивными фактами теперь казались ему главной причиной кризиса науки и всего человечества. В противоположность науке Ренессанса, которая была частью объемлющей философской схемы, позитивистская наука, основанная лишь на фактах, выступает как усеченная наука, угрожающая человеку, – а по сути и самой себе, – «обезглавливанием». Сама наука взывает к философии, чтобы восстановить утраченную связь с глубочайшими человеческими заботами. Для Гуссерля было очевидно, что его феноменология предназначена выполнить эту задачу. Но это не означает, что Гуссерль намеревался солидаризоваться с модным восстанием против науки. Напротив, он стремился помочь ей, не разрушая ее, а внутренне укрепляя и утверждая в роли помощника в осуществлении фундаментальных целей жизни человека» [19, с. 94-95].

У Гуссерля мы находим некоторые отличия в понимании познания ценностей от позиции Brentano, что заключается в объективировании ценностей. «Согласно Гуссерлю, возможно вынесение суждения, в котором ценность вещи есть предмет, о котором судят. Такие объективирующие суждения о ценностях предполагают все же оценивающие акты, имеющие совершенно другую природу. Как Гуссерль поясняет, оценивающие акты содержат собственную двойную направленность. А именно, если я осуществляю такой акт, то одновременно: (1) я просто схватываю вещь и (2) я направлен на ценную вещь» [11]. То есть Гуссерль пошел дальше Brentano, он объективирует ценности и показывает, что оценивающие акты имеют своим предметом ценные вещи, а не только фиксируют отношение к вещам. В интенциональном переживании, согласно Гуссерлю, субъект направляет сознание (себя) на интенциональный объект. Интенциональное переживание несет в себе не только *cogito*, то есть познавательную установку, но и «взгляд-на» объект, который присущ только этому Я и который несет в себе оценку, настроение, волевое устремление и т. д. Оба этих качества интенционального переживания – когнитивное и оценочное – неразрывно связаны, согласно Гуссерлю. В своей когнитивной составляющей субъект в интенциональном переживании об-

ращен к *схватываемому* объекту, так как процесс познания есть «схватывание» предмета. В акте же оценивания «мы обращены к ценности», что не является схватыванием, так как этот этап уже пройден, предмет уже перед нами. То есть ценностное познание, по Гуссерлю, состоит из двух моментов – «схватывания» предмета и представления о ценности предмета. Гуссерль пишет: «Если в акте оценивания мы направлены на что-то, то это направление на что-то есть внимание к этому и схватывание его; при этом же мы направлены также и на ценность – но только не по способу схватывания» [5, с. 114]. В результате познания ценностей перед субъектом предстает уже не схватываемый объект, а *полный интенциональный коррелят оценивающего акта* (или *полный интенциональный объект*) [5, с. 114]. Отсюда вытекает следующий вывод: Гуссерль показывает, что между суждениями и душевными переживаниями (оценивающими актами) нет непроходимой грани и оценивающие акты тоже имеют познавательную природу, то есть им присуще познание ценностных качеств вещей [11]. Благодаря этому человек познает в мире не только «вещи природы, но и ценности» [5, с. 115].

3. Концепция науки

Как уже говорилось выше, Гуссерль предпринимает универсальную реформу всех наук. Перед ним стоит задача показать пути развития науки, дать ей подлинную (как он ее понимает) научную методологию и обосновать естественные и социальные науки [16]. Все это может сделать, согласно Гуссерлю, феноменологическая философия, которая представляет собой «первую и вторую философию». «Первая философия» – это наука о всеобщем феноменологическом методе познания, заключающемся в раскрытии чистых априорных принципов всякого познания. «Вторая философия» представляет собой промежуточное знание, располагающееся между «первой философией» и конкретными науками. Каждой конкретной науке соответствует своя эйдетическая наука, в которой осмысливаются истины и сущности этой конкретной эмпирической науки. Совокупность этих эйдетических наук (или «эйдетических онтологий») и есть «вторая философия». Структура научного знания в понимании Гуссерля представлена на рисунке 1.

Рисунок 1. Структура научного знания

Эйдетические науки, по Гуссерлю, представляют собой результат рационального осмысления фактуальных (эмпирических) наук и выводят научное знание на уровень всеобщности и необходимости, на уровень сущности. Причем эйдетические онтологии выстроены у Гуссерля в определенную иерархическую систему, соответствующую сферам бытия (онтологическим регионам): неорганический мир, органический мир, мир сознания. Одна часть эйдетических наук изучает неживую природу, другая – живое, третья – духовный мир. Эти группы наук составляют три «региона», надстраивающихся друг над другом, схематично изображенные на рисунке 2.

Регион, изучающий сознание
Регион, изучающий жизнь
Регион наук о неживой природе

Рисунок 2. Регионы, изучаемые эйдетическими науками

Если две схемы, данные выше, объединить (рисунок 3), то получится общая схема науки в представлении Гуссерля, показывающая структуру научного знания с указанием регионов эйдетических наук и эмпирических наук.

«Первая философия» (феноменология)		
«Вторая философия» как совокупность эйдетических наук		
Регион эйдетических наук, изучающий неживую природу	Регион эйдетических наук, изучающих жизнь	Регион эйдетических наук, изучающих сознание
Эмпирические науки		
Класс эмпирических наук, изучающих неживую природу	Класс эмпирических наук, изучающих жизнь	Класс эмпирических наук, изучающих сознание
Неживая природа (материальная вещь)	Жизнь (организм)	Сознание (чистое Я)

Рисунок 3. Общая схема структуры науки

Философский радикализм Гуссерля проявлялся в том, что он стремился пройти до самого основания познания, до «начал» всего знания. Поэтому одно время он жалел, что не может на-

звать свою феноменологию «археологией знания», так как название уже закреплено за конкретной наукой. Эти начала знания Гуссерль решает искать в вещах, что обусловило его поворот «к самим вещам». Начинать, согласно Гуссерлю, необходимо с прояснения понятий конкретных наук. «Все науки естественным образом нуждаются в обосновании в отношении их фонда понятий и высказываний» [9, с. 235]. «Эти понятия, отчасти взятые первыми создателями науки из очень несовершенного наивного опыта повседневности, отчасти односторонне и неполно проясненные в процессе новообразования, входят в фонд науки вместе с путаницей, не приобретая при этом вообще глубины ясности» [9, с. 235]. Материал частных наук не содержит, согласно Гуссерлю, очевидных и ясных положений. С этой целью необходимо «интеллектуальное проникновение» в содержание данных наук. Гуссерль считает, что наука работает больше не с ясными и четкими понятиями, а с символами, смысл которых не прояснен до конца. «В результате науки оказываются такими, какими мы их знаем: они оказываются фабриками очень ценных, практически полезных суждений, в которых работают рабочие и изобретательные техники и из которых практический человек может черпать без подлинного понимания, в лучшем случае с осознанием их технической эффективности» [9, с. 235-236]. Такое знание направлено, как отмечает Гуссерль, на управление природой и человеком и на достижение технического результата, но в нем нет понимания и смысла. Поэтому такой прогресс знания он не может принять как действительное развитие в правильном направлении. «Сокровища знания» существуют, но человечество еще не всегда пользуется ими, их надо еще «добыть». «Достижения науки, – пишет Гуссерль, – не обогатили нас в плане сокровищ интеллектуального проникновения. Мир не стал из-за них ни в малейшей степени более понятным, он стал лишь более полезным» [9, с. 236]. Человеческий разум, считает Гуссерль, видит цель – понимание мира, но все дальше удаляется от этой цели. «Следует возвращать науки к их началам, требующим интеллектуального проникновения и строгой значимости, следующим трансформировать их в системы знаний, базирующихся на интеллектуальном проникновении, проводя работу, проясняющую и делающую отчетливыми предель-

ные основы...» [9, с. 236]. Целью Гуссерля является полное прояснение основ научного знания и достижение «всестороннего и полного знания».

Гуссерль делит все понятия на три группы: 1) логико-формальные понятия (общие всем естественным наукам) – «объект», «свойство», «факт», «отношение» и т. д.; 2) региональные понятия – например, «вещь» для региона неживой природы, «организм» для региона жизни и «сознание» для региона наук, изучающих сознание; 3) частные понятия конкретных наук. Сначала необходимо, по Гуссерлю, провести прояснение логико-формальных понятий, присущих всем наукам, затем – региональных и в конце прояснить частные понятия.

Преодоление кризиса естественных наук, полагал Гуссерль, возможно только на пути пересмотра оснований науки. Основания науки расшатываются в процессе развития науки (то есть, согласно Гуссерлю, идет процесс саморазрушения науки) в результате исключения всей проблематики *субъективного* из науки и сосредоточения только на объективных процессах и явлениях, на сущем. «Таким образом, причина кризиса усматривается в научной объективности, в стремлении науки к объективному знанию. Основания научного знания, как полагают феноменологи, должны быть не объективными, а строго субъективными. Такие основания может дать только феноменология, ибо она есть наука о субъективном. Наука поэтому должна быть полностью переориентирована: ее объективизм должен уступить место последовательно проведенному субъективизму» [10, с. 151]. В результате такого преобразования науки она приблизится к реальной жизни людей и снова заговорит о смыслах, о человеческих проблемах, то есть о том, от чего наука давно ушла. Кроме этого, научные принципы, законы и понятия должны быть проинтерпретированы на основе «жизненного мира», который должен составлять основу всякого познания. Эти меры позволят, согласно Гуссерлю, выйти европейскому человечеству из кризиса, в который его «загнала» наука своим объективизмом. Г. Шпигельберг пишет: «Таким образом, «поворот к вещам» был дополнен «поворотом к субъекту» путем добавления нового вида рефлексии...» [19, с. 97].

«Центральной загадкой для Гуссерля было не Бытие как таковое, но тот факт, что в этом

мире существует такая вещь, как бытие, осознающее свое собственное бытие и бытие других» [19, с. 101], – пишет Шпигельберг, рассматривая отношение Гуссерля к проблеме субъективности. Гуссерль называл субъективность, «чистое эго и чистое сознание» чудом из чудес.

4. Жизненный мир, наука и кризис европейского человечества

В 30-х годах прошлого века усиливалось ощущение кризиса, и Гуссерль не мог оставить эту проблему без внимания. Кризис европейского человечества выразился, согласно Гуссерлю, в кризисе европейских наук (прежде всего естественных наук), которые ушли от познания смысла бытия в сторону познания отдельных фактов, вещей. Наука сделала важнейшие открытия и научила человека создавать много новых полезных вещей и пользоваться ими, но она не смогла ответить на вопросы о смысле бытия. При этом наука выступила в XX веке и источником многих угроз.

Гуссерль по соображениям безопасности в условиях нацистской Германии не упоминает конкретные процессы и тяжелейшие страницы европейской истории, приведшие к гибели людей, войнам, потрясениям, но он явно имеет их в виду. Технический и научный прогресс без осознания того, к чему идет человечество, какие цели оно перед собой ставит, без осознания того, какие смыслы лежат в основе человеческой деятельности по преобразованию природы Гуссерль в общем-то не принимает. Он пишет: «Наука – и это постоянно можно слышать – ничего не может сказать нам о наших жизненных нуждах. Она в принципе исключает вопросы, наиболее животрепещущие для человека, брошенного на произвол судьбы в наше злосчастное время судьбоносных преобразований, а именно вопросы о смысле или бессмысленности всего человеческого существования» [8, с. 547]. Произошло то, что «жизненный мир» перестал служить основой научного познания, то есть произошло забвение «жизненного мира» [13; 14; 15]. Н.В. Мотрошилова пишет: «...человечество с помощью самой развитой, «передовой», как принято выражаться, науки со второй половины XX столетия *впервые в истории* поставило себя перед опасностью вполне *реального самоуничтожения*, уничтожения своей многотысячелетней цивилизации. Значит, правомерно

вместе с Гуссерлем говорить уже не о некоторых «временных трудностях», а именно о *всестороннем кризисе* цивилизации, охватывающем все бытие человечества, включая науку, и имеющем вполне отчетливые и многочисленные проявления. Сейчас это более ясно, чем во времена Гуссерля» [13, с. 7].

Заслуга Гуссерля в том, что он показал активность сознания, его обобщающую способность и обратил внимание на его синтезирующую способность. Кроме этого он провел глубокий анализ кризиса европейского человечества и выявил его причины. Но самое важное то, что он показал, что теория познания не может строиться только на методологии естественных наук, необходимо также привлечение методов гуманитарных наук. Целостная теория познания, считал Гуссерль, должна строиться на феноменологии. Жизненный мир для него – это *ценностная основа* всей человеческой деятельности, в том числе и научного познания. Мир имеет ценностную значимость, и это накладывает отпечаток на познание. Познавательное отношение к миру всегда пронизано атмосферой «жизненного горизонта», «основополагающих ценностей».

«Жизненный мир для Гуссерля – это мир нашего повседневного опыта, мир наивной жизни, наивной субъективности, предшествующей научной объективности, но вместе с тем это и «сфера первоначальных очевидностей», сфера интенциональной конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности» [10, с. 152]. Конституирующая деятельность трансцендентальной субъективности людьми не осознается, и в структуре жизненного мира оказывается много таких построений, которые идут от традиции и науки. Причем это, согласно Гуссерлю, не положительный, а отрицательный факт, так как по этой причине наше знание о мире искажается. Дело в том, объясняет Гуссерль, что наука очень сильно отходит от действительности и создает идеализации, схемы, абстракции, огрубляющие реальную картину мира. «В высшей степени важно подчеркнуть, что уже *Галилей*, – пишет Гуссерль, – осуществил замещение единственно реального, опытно воспринимаемого и данного в опыте мира – мира нашей повседневной жизни миром идеальных сущностей, который обосновывается математически» [8, с. 601].

Чтобы оценить в полной мере те изменения в естествознании, которые произошли начиная с XVII века, Гуссерль проанализировал в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» (1936) в параграфе «Математизация природы Галилеем» становление и развитие математического естествознания. Современная наука (квантовая механика) также имеет математический характер, и в этом смысле выводы Гуссерля относительно естествознания сохраняют свое значение и весьма актуальны по сей день. Это и является той основой, на которой строятся выводы современных феноменологов относительно того, что переориентация философии науки должна идти на базе учения Гуссерля о жизненном мире [18, с. 134]. В.П. Филатов отмечает: «Современное естествознание, включая квантовую теорию, – и это общий пункт для всех феноменологов, – представляет собой науку «галилеевского стиля». Основной чертой этой науки является ее математический характер» [18, с. 135].

Роль Галилея в переосмыслении нашего отношения к миру и его познанию состояла, согласно Гуссерлю, в том, что он опирался на геометрию и интерпретировал свойства и отношения вещей и процессов как отношения геометрических форм и пропорций, что делает наше знание точным и объективным. «Если каждое физическое тело, траектория, колебание и т. д. после того, как они измерены с максимальной точностью, рассматриваются как воплощение чисто геометрической формы, то утверждения геометрии среди этих чистых форм могут дать информацию о природе, разделяющую с геометрическим знанием недвусмысленность и универсальность» [18, с. 135]. Такая математизация процесса познания в естественных науках позволила резко ускорить и углубить получение новых знаний и повысить степень точности выводов, но вместе с тем произошли и существенные потери: мир отныне предстал не как живой космос и живая природа, а как совокупность схем, пропорций, уравнений и т. д. Еще больше эта тенденция усилилась в послегалилеевской науке.

Далее математическая интерпретация мира развивалась Р. Декартом, И. Ньютоном и Г. Лейбницем, осуществившими алгебраизацию геометрии. Гуссерль отмечает, что на пути математизации естествознания познание стано-

вится похожим на «игру в шахматы», а естественнонаучная интерпретация мира стала сводиться к точке зрения, согласно которой любой природный объект или процесс для своего понимания должен быть представлен как пространственно-временная математическая форма. И в конечном счете за истину стали принимать уже не реальные объекты и их отношения, а метод исследования этих объектов. В конечном счете, по мнению Гуссерля, «...за подлинное бытие мы принимаем то, что в действительности есть метод» [21, с. 51]. Математический мир абстрактных сущностей постепенно вытеснил привычный реальный мир.

В результате произошло то, что современная концепция мира, сложившаяся в Новое время, была подвергнута физикализации. Причем этот взгляд на мир приняли и рационалисты и эмпиристы. Того, что в этой концепции утрачено представление о подлинном смысловом наполнении мира, не увидел даже И. Кант, за что его критикует Гуссерль. Кант, согласно Гуссерлю, не заметил под пространственно-временными формами ньютоновского естествознания смысловые структуры жизненного мира и исходил из повседневного мира как данного нам естественным образом, но при этом он не исследовал вопрос о том, что жизненный мир предан любому научному исследованию, что он имеет свою структуру и значения, смыслы, которые препарированы учеными в ходе идеализаций и теоретических интерпретаций. «В то же время в ходе развития современной науки и ее философски-методологического осмысления значение жизненного мира как предпосылки и основания науки было забыто и мистифицировано: он был отнесен к «субъективно-релятивной сфере» и, более того, помещен в индивидуальное сознание, где, в свою очередь, стал рас-

сматриваться по аналогии с физическим миром как психологический материал, подчиняющийся причинным законам. В результате всего этого жизненный мир оказался «забытым смысловым основанием естествознания» [18, с. 137].

В поздних работах Гуссерля на базе идеи «жизненного мира» происходит переосмысление проблемы интенциональности и разработка культурно-исторической концепции теоретического мышления. Гуссерль возвращает в философию и науку проблему смысла, ценности, субъективности, рассматривает субъект и объект познания в единстве. Он с помощью феноменологической редукции «очищает» познание от привычных схем и стандартов, «заклучает в скобки» все теоретические интерпретации. Благодаря этому происходит восстановление контакта с жизненным миром с целью постижения истинного смысла мира.

Оценивая роль Гуссерля в создании новой философии науки, Э. Штрекер пишет: «Гуссерлевская феноменология в качестве философской «науки о науке» осталась большей частью только программой. Тем не менее мы в долгу перед ее автором, проводившим замечательный ряд плодотворных изысканий, которые еще не превзойдены его последователями. Это в особенности относится к гуссерлевским конститутивным исследованиям оснований науки. Эти исследования позволили перевести философские проблемы, касающиеся науки, в ясный, глубокий и критический модус рассмотрения и тем самым сделали затруднительными попытки отрицать притязания феноменологии быть философией науки» [20, с. 253]. С этой оценкой вполне можно согласиться.

23.08.2010 г.

Список использованной литературы:

1. Бабушкин В. У. О природе философского знания / В. У. Бабушкин. – М.: Наука, 1978.
2. Бабушкин В. У. Феноменологическая философия науки. Критический анализ / В. У. Бабушкин. – М.: Наука, 1985.
3. Brentano Ф. Избранные работы / Ф. Brentano. – М.: ДИК, 1996.
4. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум / П. П. Гайденко. – М.: Прогресс-Традиция, 2003.
5. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Книга первая / Э. Гуссерль. – М.: Академический проект, 2009.
6. Гуссерль Э. Идея феноменологии // Фауст и Заратустра / Пер. с нем. – СПб.: Азбука, 2001.
7. Гуссерль Э. Избранные работы / Э. Гуссерль. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005.
8. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейской науки и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000.
9. Гуссерль Э. Метод прояснения // Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994.
10. Критика современных немарксистских концепций философии науки. – М.: Наука, 1987.

11. Кюнг Г. Brentano, Гуссерль и Ингарден об оценивающих актах и познании ценностей / Г. Кюнг // Логос. – 1994. – №6. (<http://anthropology.rinet.ru/old/6/kung.htm>).
12. Молчанов В.И. Исследования по феноменологии сознания. – М.: Издательский дом «Территория будущего», 2007.
13. Мотрошилова Н. В. Новая актуальность идей Э. Гуссерля о «кризисе европейских наук и европейского человечества» / Н. В. Мотрошилова // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2008. – №2.
14. Мотрошилова Н. В. Понятие и концепция жизненного мира в поздней философии Эдмунда Гуссерля / Н. В. Мотрошилова // Вопросы философии. – 2007. – №7, 9.
15. Мотрошилова Н. В. Эдмунд Гуссерль: на пути к концепции «жизненного мира» (20-е годы XX века) / Н. В. Мотрошилова // Философские науки. – 2007. – №1.
16. Печенкин А. А. Наука и научность (опыт нового прочтения философии Э. Гуссерля) / А. А. Печенкин // Философские науки. – 1991. – №10.
17. Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994.
18. Филатов В. П. Естествознание и «жизненный мир»: проблемы феноменологической интерпретации точных наук / В. П. Филатов // Вопросы философии. – 1979. – №4.
19. Шпигельберг Г. Феноменологическое движение. Историческое введение / Г. Шпигельберг. – М.: Логос, 2002.
20. Штрекер Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки // Современная философия науки. Хрестоматия. – М.: Наука, 1994.
21. Husserl E. Die Krisis der europaischen Wissenschaften und die transzendente Phänomenologie // Husserliana. Bd. VI. Haag, 1954. – 557 S.

Сведения об авторе: **Писарчик Леонид Юрьевич**, доцент кафедры истории философии
Оренбургского государственного университета кандидат философских наук
460018 г. Оренбург, пр-т Победы, 13, тел. (3532)372573, e-mail: leonidtp@yandex.ru

UDC 165.823

Pisarchik L.Yu.

**PROBLEM OF VALUES PERCEPTION AND CONCEPTION OF SCIENCE IN E. GUSSERL'S
PHENOMENOLOGY**

Conception of E. Gusserl's science urged there to solve the problem of construction of universal knowledge system directed on the disclosing of existence meanings is regarded in this article. Gusserl performed as a philosopher ambitious to give criticism of anti-fundamentalistic point of view about science and at the same time developing non-classical treatment of classical ideal of scientific nature. In the Gusserl's phenomenology truth and value are organically combined in characteristic of knowledge which allows him overcoming extremes of anti-fundamentalism and classical fundamentalistic conception of the science.

Key words: phenomenology, intentionality, phenomenological reduction, phenomenon, living world, eidetic sciences, factual sciences, truth, value.

Bibliography:

1. Babushkin V.U. The nature of wisdom. - М.: Nauka, 1978.
2. Babushkin V.U. Phenomenological philosophy of sciences. Critics analysis. – М.: Nauka, 1985.
3. Brentano F. Selected works. - М.: ДИК, 1996.
4. Gaidenko P.P. Scientific rationality and philosophical mind. - М.: Progress-Traditsia, 2003.
5. Gaidenko P.P. The problem of intentionality according to Gusserle // Modern existentionalism. - М.: Mysl, 1966.
6. Gusserle E. The ideas of pure phenomenology and phenomenological philosophy. Book 1. - М.: Akademicheskii proekt, 2009.
7. Gusserle E. Logics studies. Kartesians meditations. The crisis of European sciences and transcendent phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a keen science. - Мн.: Harvest, М.: AST, 2000.
8. Gusserle E. The clarifying method // Modern philosophy of sciences. Reader. – М.: Nauka, 1994.
9. Gusserle E. Paris reports // Gusserle E. Selected works. - М.: Editor House «Territoria buduschego», 2005.